Жо Шуэй укрылся под навесом у парадных ворот Храма Кужун, опустил зонт, надул щеки и сдул снег, упавший на полоску черного шелкового шнура с кистями по краю. Чуть встряхнув зонт, он увидел, как из-под снега проступили две вышитые тушью рыбки, и его глаза, подобные фениксовым, сузились в два изящных полумесяца, после чего он бережно сложил зонт.

Притопнув ногами, Жо Шуэй повернулся и неторопливо вытянул из рукава, отделанного соболиным мехом, два длинных белоснежных пальца. Он уже собирался постучать в обитую красным лаком массивную дверь, как та со скрипом сама отворилась.

— Мастер Даочжэн, ты ведь монах, а поступаешь не по-человечески. Прекрасно знал, что я уже давно стою у дверей, и не открывал — неужто нарочно хотел заморозить меня?

Теплый юношеский голос заставил открывшего дверь монаха вздрогнуть. Опустив взгляд и сложив руки на груди в почтительном жесте, тот беззвучно прочел несколько буддийских молитв, но так и не осмелился поднять глаза и посмотреть на Жо Шуэя.

— Младший соученик Жо Шуэй, сегодня горы занесены снегом, дороги непроходимы. Что привело тебя сюда?

Пальцы, подобные застывшему бараньему жиру, коснулись свежевыбритой головы Даочжэна. Озорно очертив кружок на гладкой макушке, они скользнули по контуру щеки монаха прямо к подбородку. Жо Шуэй чуть согнул палец, и с его алых губ сорвались слова, от которых монах покраснел еще сильнее:

— Мастер Даочжэн, почему ты не смотришь на меня? Неужели Жо Шуэй в последнее время подурнел и больше не мил твоему взору?

— Младший соученик Жо Шуэй пришел к настоятелю или к старшему соученику Дао Сюю? Настоятель читает сутры в келье, а старший соученик Дао Сюй рубит дрова на заднем дворе.

Голова Даочжэна опустилась еще ниже, однако увернуться от этого пальца, казалось, источавшего чары, он все равно не мог.

Жо Шуэй тихо вздохнул, его брови, тонкие как штрихи туши, сошлись на переносице, а в глазах заблестела влага. Слегка прикусив зубами нижнюю губу, Жо Шуэй бросил на Даочжэна косой взгляд и протянул:

— Старшие сестры говорили, что если хочешь обрести нефритовую кожу и кости из льда, нужно каждый день умываться росой и талым снегом. Я лишь счел последние дни слишком холодными и немного поленился — неужели моя внешность и впрямь так подурнела? Мастер Даочжэн, ты даже взглянуть на меня не желаешь.

Палец Жо Шуэя скользнул с подбородка на плечо, с плеча — на запястье, замер на мгновение

на четках, что висели у Даочжэна на руке, и легко потянул за них. Почти без усилия он дернул так, что бедный монах чуть не рухнул носом в землю.

С гор налетел порыв ветра со снежной крупой. У ворот храма стихия разом обрела небываемую мощь: Жо Шуэй потерял равновесие, его качнуло, и он всем телом завалился прямо на Даочжэна.

В ту же секунду, когда это окутанное шелками и мехами тело прижалось к нему, Даочжэн с глухим стуком рухнул на колени и, чуть ли не плача, запричитал:

— Младший соученик Жо Шуэй, я виноват! Ты обладаешь обликом бессмертного, и одного взгляда на тебя хватило бы, чтобы исчерпать благословения многих жизней. Я не должен был делать вид, что не слышу стука в дверь, и заставлять тебя ждать. Прости меня, ради всего святого! Если настоятельница Мяо Шань узнает, что я позволил себе вольности с тобой, мне не сносить головы!

Словно ласковый весенний ветерок пронесся перед Жо Шуэем, мягко поддержав его и остановив падение прекрасной, словно гора из нефрита, фигуры. Жо Шуэй выпрямился, поиграл на кончиках пальцев нефритовой ручкой зонта, переступил через порог, похлопал по плечу стоявшего на снегу и бормочущего молитвы Даочжэна и с улыбкой произвел:

— К чему такие церемонии, старший соученик? Жо Шуэй не заслуживает стольких почестей. Настоятель Кучань на месте? У меня есть дело к Мастеру Кучаню.

— На месте, на месте! Я провожу тебя, младший соученик! — в панике вскочил Даочжэн. Забыв стряхнуть снег с колен, он бросился вперед, не смея даже поднять глаза, когда поравнялся с Жо Шуэем.

Не пройдя и двух шагов, он почувствовал, что Жо Шуэй замер позади. Сердце, только что вернувшееся на место, вновь ушло в пятки — казалось, будто Жо Шуэй наступил на него своей ножкой.

— Мастер Даочжэн, я опять забыл: входя в храм, через порог нужно переступать сначала левой ногой или правой? Старший соученик Дао Сюй говорил, что перепутать — к дурному предзнаменованию, но у меня вечно вылетает из головы…

— Это сказки для простых смертных! Младший соученик стоит много выше мирской суеты, тебе вовсе не обязательно обращать внимание на подобные мелочи…

Зимний ветер пробирал до костей, но с лысины Даочжэна градом катился пот.

— Несколько дней не виделись, а ты, соученик, стал еще более сладкоречив. Не боишься угодить в Ад Вырывания Языков? Хе-хе.

С этими словами Жо Шуэй оставил стоявшего остолбеневшим Даочжэна и не спеша направился вглубь Храма Кужун, к самым дальним кельям.

Из-за сильного снегопада во всем огромном Храме Кужун почти не было видно монахов. Изредка попадались лишь юные послушники, которых старшие братья отправляли за водой или забрать храмовую трапезу. Прищурившись, Жо Шуэй неторопливо шел сквозь метель. Заметив, как очередной послушник шарахается от него, словно от призрака, низко опушив голову и прибавив шагу, он невольно рассмеялся.

— Монахи в этом Храме Кужун с каждым поколением все хуже. Опустим уже привычку задирать нос и третировать малышню, но трусость… Трусость тоже передается из поколения в поколение, становясь все краше.

Тихое насмешливое бормотание потонуло в вое ветра. Направившись было к большой келье, Жо Шуэй свернул, стоило им миновать стену заднего двора. Обойдя дровяной сарай, с крыши которого свисали сосульки толщиной с запястье, он услышал доносившиеся из бурана четкие и быстрые звуки колки дров. Звуки «ча-ча» звучали без малейшего колебания или заминки, отчего на едва задеревеневшем и побелевшем от холода лице Жо Шуэя расцвела легкая улыбка.

На заднем дворе высокий монах, одетый лишь в тонкие монашеские штаны и холщовые тапочки, рубил дрова. Надень такой наряд обычный человек — и он замерзнет насмерть в мгновение ока, но этот мужчина не только не замерзал: от его обнаженного торса исходили едва заметные волны тепла, словно легкий белый пар на морозном воздухе. Раскаленная кровь окрасила кожу цвета пшеничного загара в розоватый оттенок, придавая ей упругость и блеск полированной вороненой стали. Рельефные, тугие мышцы вздымались и сокращались в такт движению, и каждый раз, когда на них падала снежинка, создавалось иллюзорное ощущение, будто в тот же миг слышится едва уловимый треск, а снег прямо на лету обращается в пар и уносится обратно к облакам.

Устроившись у входа в дровяной сарай за спиной незнакомца, Жо Шуэй смахнул снег с каменных ступеней и присел под самой крышей. Влажный камень мгновенно промочил подол его одежд, и изящная вышивка тут же испачкалась дорожной пылью.

Положив зонт поперек колен, Жо Шуэй спрятал пальцы в рукава, обхватил колени и сжался в пушистый шарик из шелка и мехов. Распущенные черные волосы рассыпались по спине и волочились по земле, на фоне белого снега казавшись еще более темными и гладкими.

Хруст топора перемежался с воем ветра и шелестом падающего снега; казалось, весь мир сузился до пределов этого маленького двора.

— Разве тебе не полагается быть у прадедушки?

Закончив колоть дрова, монах аккуратно сложил их у противоположной стены и накрыл от сырости промасленной тканью. Только после этого он повернулся к Жо Шуэю, заговорив так,

будто заметил его лишь сейчас.

Встретившись взглядом с густыми черными бронями, гордым прямым носом и сияющими темными глазами монаха, в которых читалось всеобъемлющее сострадание к живым существам, Жо Шуэй улыбнулся краешком рта. Высунув из толстого теплого рукава парочку нежных пальцев, он попытался ухватить монаха за руку, но, когда тот незаметно отступил назад, вовсе не рассердился, а лишь рассыпался в похвалах:

— Маленький монах, твоя Сердечная Техника Великого Сострадания и Безграничности вновь поднялась на новую ступень! Ты расслышал мои слова даже у храмовых ворот. Или ты вовсе не был сосредоточен на рубке дров, а думал обо мне всеми помыслами, раз обратил на меня столько внимания?

Монах ничего не ответил. Молча пройдя мимо Жо Шуэя в глубину сарая, он надел грубую льняную рясу и зашагал прочь, совершенно игнорируя прекрасного юношу, который, опершись о косяк двери, с лукавым прищуром провожал его взглядом.

— Маленький монах, зачем ты вообще рубишь дрова в такую снежную погоду? Дрова отсыреют насквозь, даже под масляной тканью отсыреют. А сырые дрова при горении будут дымить. Неужели ты колол их специально ради меня, чтобы продемонстрировать мне всю свою силу и мощь? Хи-хи.

Легкой поступью Жо Шуэй последовал за монахом.

Сложные многослойные подолы его одежд взметались от ледяного ветра, снежинки падали прямо на глаза, придавая и без того выразительным очам влажный блеск. Прильнув к крепкому плечу монаха, источавшему мягкое тепло, Жо Шуэй принялся ласкать пальцами рельефные линии его мускулов, исподлобья бросил взгляд на все то же бесстрастное лицо, снова тихонько рассмеялся и, раскрыв зонт, поднял его над их головами.

— Маленький монах, глянь, не продвинулась ли моя Сердечная Техника Тай-шан? Я так давно мечтал прогуляться с тобой рука об руку сквозь метель. Было бы досадно, если бы буря раскачала меня из стороны в сторону и испортила всю плавность поступи. С самой зимы я усердно упражнялся в искусстве невесомости — посмотри, красиво ли я ступаю?

Обернувшись с улыбкой, Жо Шуэй указал на землю: позади них тянулась лишь одна цепочка следов. Искусство оставлять следы на снегу — да во всем мире едва ли наберется с десяток людей, способных на такое. Скосив глаза на идущего рядом монаха, он увидел, что тот по-прежнему смотрит вперед, мерно шагая шаг за шагом, и вовсе не собирается отвечать.

Монах остановился перед старинной деревянной дверью, украшенной резьбой с изображением тысяч зеленых лотосовых листьев. Высвободив руку из объятий Жо Шуэя, он впервые посмотрел на этого демона прямо:

— Колка дров — тоже вид самосовершенствования. Жо Шуэй, прадедушка ждет внутри, входи. А Дао Сюй покидает тебя.

— Маленький монах, ты и вправду совсем не умеешь радовать людей. Я же с самого утра говорил: все монахи поколения Дао в Храме Кужун, старшие они или младшие, должны звать меня младшим соучеником. Только ты упрямишься. Неужели ты так не хочешь признавать меня своим соучеником? Если рассудить по справедливости, мой наставник и твой прадедушка общались на равных. Неужели ты отказываешься принять выгоду, которую я сам же тебе и предлагаю?

Видя, что Дао Сюй собирается уходить, Жо Шуэй молниеносным движением перехватил его за запястье. Зацепив двумя пальцами краешек рукава, он мягко затянул узел ткани, задерживая монаха, и, неторопливо приблизившись, прошептал ему прямо на ухо с обиженным видом:

— Маленький монах, третье число следующего месяца — мой день рождения. Мне исполнится двадцать лет. Раньше ты неизменно отказывался приходить, но в этот раз… В этот раз ты просто обязан явиться.

Алый раздвоенный язычок озорно выскользнул из-за губ и легонько провел по округлой мочке уха монаха, словно прикосновение весеннего тополиного пуха к облакам.

Тело монаха, прижатое к его груди, не напряглось ни на секунду, а сердцебиение оставалось ровным и спокойным; он лишь медленно прикрыл глаза, полные, казалось, самой сути мириадов человеческих судеб.

Прикрыв рот рукавом, Жо Шуэй легко рассмеялся, отпустил Дао Сюя и отступил шаг назад.

Из-за долгого пути по снегу его обувь и носки неизбежно промокли, а предстать перед старейшиной в таком виде было бы проявлением неуважения. Сняв обувь прямо у входа, Жо Шуэй ступил босыми ногами — белыми и безупречными, словно изваянными из нефрита, — на натертый до блеска темный дощатый пол. Он оставил зонт с нефритовым основанием у порога, отбросил легкомысленный вид и звонко произнес:

— Жо Шуэй из Храма Умин пришел засвидетельствовать почтение Мастеру Кучаню.

Сразу после этих слов из глубины кельи донесся старческий голос: «Входи». И тогда он толкнул дверь и шагнул внутрь.

Дао Сюй дождался, пока резная деревянная дверь вновь закроется, повернулся и задумчиво посмотрел на оставленные у порога расшитые туфельки и носки. Парча работы Бессмертной Ци Вэй из Храма Умин не знала равных в Поднебесной; даже сильные мира сего не могли добыть и дюйма этой ткани. Благодаря извечной дружбе между Храмом Кужун и Храмом Умин они ежегодно получали лишь несколько читов материала на рясы для статуй Будды, а этот человек использовал ее на обувь и носки. Впрочем… к чему упоминать обувь? Учитывая то, как

баловала его Бессмертная Ци Вэй, разве не она собственноручно шила ему все одежды?

Вздохнув, Дао Сюй поднял туфли, спрятал носки за пазуху, подобрал зонт и, услышав доносившиеся из комнаты приветствия, вновь шагнул в бушующую метель.

http://bllate.org/book/30396/3705708